

**ИНСТИТУТ ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ РАБОТНИКОВ
ТЕЛЕВИДЕНИЯ И РАДИОВЕЩАНИЯ**

Б.М. САПУНОВ

**ВВЕДЕНИЕ В КУЛЬТУРОЛОГИЮ.
ОСНОВЫ МЕДИАКУЛЬТУРЫ**

Москва 2006

ПРЕДИСЛОВИЕ

В современную эпоху средства массовой коммуникации прочно вошли в духовную жизнь общества, стали общепризнанной составной частью системы культуры человечества. Однако теоретические основы культурологии СМК разработаны совершенно недостаточно. Необходимость осмысления этих проблем, их места и роли в общей истории и философии привели к утверждению новой научной дисциплины – медиакультуры, вокруг понимания предмета, содержания, исторических рамок которой идут острые дискуссии. Опираясь на исторический и актуальный материал современного гуманитарного знания, автор высказывает свою точку зрения на проблему, решение которой, по его мнению, имеет не только теоретическое, но и практическое значение для развития культуры.

В представленном пособии ставится цель помочь аспирантам, готовящим диссертации по филологическим наукам и искусствоведению, в освоении общих теоретических проблем современного культурологического знания.

ВВЕДЕНИЕ

Культурология как наука. Феномен медиакультуры

Культурология – обширная область гуманитарного знания, с разных сторон изучаемая многочисленными науками – археологией, этнографией, искусствоведением, литературоведением, языкознанием, семиотикой, психологией и т.д. Она затрагивает сферу интересов философов, филологов, социологов, богословов, специалистов информациологии и др.

Актуальность культурологического знания очевидна: нет такого человека на Земле, который так или иначе не соприкасался бы с культурой, не задумывался над ее большими и малыми проблемами. Сегодня этот интерес приобретает обостренный характер, ведь вопрос о судьбах культуры – это вопрос о судьбах мировой цивилизации. Достижения современной науки и техники поражают: совершенствуются средства информации, связи, передвижения, расширяется в невиданных масштабах производство предметов потребления, быта, отдыха, обеспечивающих комфортность жизни. Однако даже в, казалось бы, благополучных странах растет ощущение приближающейся катастрофы.

XX век, с его двумя мировыми войнами, бесконечными социальными и расовыми конфликтами, угрозой применения оружия массового уничтожения, эстетизацией насилия, отказом от веры в высший разум, возвращением к языческим идолам, оккультизму и другим бросающим вызов культуре явлениями, заставляет задуматься над возможными перспективами существования человека и человечества.

Развенчан один из основополагающих мифов идеологов Просвещения – вера во всемогущество человеческого разума, его гуманистическую направленность и неодолимость прогресса. Что на уровне массового сознания породило ложный оптимизм, распространенный главным образом среди молодежи и выражающийся в мировоззрении «бери от жизни все». А это движение в никуда.

Единственный путь спасения человечества – обращение к культуре в самом широком смысле, включая не только науку, в которой многие до сих пор видят панацею от всех бед, но всю систему гуманитарного знания, великие, тысячелетиями создававшиеся духовные ценности религии, философии, искусства, литературы. Все это приобретает особую значимость для нашей страны, где на переломе эпох, в самом эпицентре системного кризиса даже случайные решения и действия могут стать судьбоносными.

Практика показывает, что стоящие перед страной труднейшие экономические, социальные, политические и другие проблемы не могут быть решены без преодоления последствий тоталитарного режима и имманентного ему патерналистского сознания. Главное сейчас – утверждение гражданского самосознания, свободной творческой активности, нравственной ответственности за себя, своих близких, государство, в конечном счете, за все человечество. Именно такова основная цель и содержание культуры.

Понимание этого привело к утверждению преподавания в вузах и приравненных к ним учебных заведениях новой дисциплины «культурологии». Большинство исследователей относят ее к числу дискурсов, позволяющих выстроить и обосновать **единую систему знаний**, то есть считать ее теоретической и методологической основой рассмотрения всех многочисленных видов и форм культуротворчества, связанных с другими областями социальной и духовной жизни общества. Культурология изучает наиболее общие принципы развития и функционирования культуры, ее базовые характеристики, присутствующие во всех известных культурах человечества. Своей задачей она считает исследование процессов, определяющих жизнедеятельность общества и личности, гуманистические параметры ее самотворения, саморазвития, «окультуривания».

Будучи дисциплиной общетеоретической, культурология использует **системный подход** к явлениям культурной жизни человечества и таким образом представляет собой синтез всего гуманитарного знания, связывая воедино эмпирические и теоретические данные различных наук о человеке и мире. В этом качестве она близка к *философскому знанию*, но не сводится к нему. В отличие от философии, рассматривающей проблемы отношения человека к миру вообще, его мировоззрение, мирочувствование, предметом культурологии является сама человеческая деятельность в ее ценностном аспекте. Другими словами, ее интересует, какой смысл в определенных исторических условиях люди вкладывают в свой труд, общение, отдых, во имя чего они производят и потребляют те или иные ценности, какими средствами и способами они это делают, какие интеллектуальные и иные способности при этом используют и как все это влияет на жизнь человека, общества, окружающий мир.

Таким образом, культурология представляет собой достаточно сложную систему знаний, включающую в себя несколько различных научных дисциплин, изучаемых в соответствующих учебных курсах. К ним прежде всего относится **теория культуры**, которая разрабатывает проблемы определения самой сущности культуры, ее структуры, характера культуротворчества, связи его с другими формами человеческой деятельности, общественных отношений и духовной жизни людей.

Далее, в систему культурологического знания входит **морфология культуры**, которая занимается отбором, систематизацией и исследованием фактов культуры, то есть объективных, предметных (остенсивных) результатов культуротворчества, которые осваиваются людьми в их деятельности и тем самым передаются из поколения в поколение, образуя культурную традицию.

Отсюда важнейшей областью культурологического знания является **история культуры**, которая, синтезируя различные области

культуротворчества (материально-производственного, социального, духовного), философию, религию, искусство, этику и т.д., дает понимание культуры той или иной эпохи как целостного, оригинального феномена и вместе с тем как составной части единой общечеловеческой культуры.

Культурология исследует не только содержание, но и средства, формы создания культурных ценностей, способы их трансляций во все сферы жизни общества, процессы «окультуривания» производства, социальной и духовной сфер жизни человека.

На наших глазах происходит процесс формирования информационно-компьютерной цивилизации, который приобретает все возрастающее значение, составляя основу современных тенденций технико-экономического, социального и духовного развития общества как в национальных, так и в глобальных масштабах. Как пишут В.В.Ильин и А.С.Ахиезер, «высокочувствительные сложные человеческие системы требуют адекватного, жизнью выношенного к себе отношения. Цивилизация рождена творчеством, но творчество, не ориентированное на жизнь, разрушает цивилизацию. Обостряется проблема ценностей санации творчества. В общем, поддержание цивилизованности ... обеспечивается введением духоподъемных идеалов, корректирующих творчество в соответствии с требованиями жизни, ориентацией на высокое». Это особенно относится к медийным технологиям. Их экспонентальный рост вызывает всеобщий восторг, но их информационно-коммуникативная всеядность без учета культурно-гуманистической компоненты может привести человечество к катастрофе. В своем энтузиастическом творчестве деятели этой сферы, к сожалению, не всегда осознают, что, создавая все более совершенные информационно-компьютерные устройства, системы и сети, будто бы способствующие исключительно прогрессу, они могут приблизить апокалипсис вовсе не виртуального, а реального, живого, единственного и дорогого для всех нас земного мира.

ОСНОВНЫЕ СОВРЕМЕННЫЕ КОНЦЕПЦИИ КУЛЬТУРЫ

Для того чтобы понять смысл органического единства культуры и коммуникации, раскрыть содержание концепта «медиакультура», необходимо прежде всего остановиться на современном понимании самого понятия «культура», которое трактовалось ранее и трактуется ныне далеко не однозначно.

Культура – одно из вечных начал человеческой жизни. В истории не было обществ без культуры и вне культуры. Но в течение многих веков люди не задумывались над ее сущностью – она была так же естественна, как сама жизнь – даром богов, наследием предков, окружением в обыденной деятельности.

Термин «культура», как это известно из многочисленных справочников и учебников, впервые упоминается в философско-юридических трактатах Древнего Рима и в переводе с латинского означает *обработку земли, обихоживание места жительства, а также попечение о божестве – покровителе того или иного места (культ)*.

В русском языке слово «культура» стало известно с середины 30-х годов XIX века и означало *возделывание, обработку земли (хлебопашество)*, а также *почитание, воспитание, образование*. У В.Даля это *обработка и уход, возделывание, возделка, а также образование, умственное и нравственное*. Именно в таком гуманистическом смысле культура понималась и находила свое выражение в художественной литературе и в философских исследованиях. Попытки научно определить, сформулировать сам концепт культуры, найти ее место среди других явлений природы и общества начались в XIX веке. С тех пор дано бесчисленное количество определений культуры, ее сущности, содержания, структуры, места и роли в обществе. Но все они так или иначе

опираются на основные парадигмы мышления той или иной эпохи и сводятся к основным, наиболее общим концепциям.

Большинство концепций и определений культуры выдвигается в рамках рационально-сциентистской парадигмы мышления, основные положения которой были сформулированы еще в начале нового времени (Бэкон, Декарт, Спиноза). Они утверждались, развивались в последующие столетия и стали господствующими в наше время – время подлинного триумфа науки и техники.

Согласно этой парадигме, природа, общество и культура выступают в качестве объективной реальности, явления которой целиком и полностью доступны научному анализу, а его результаты становятся истинами (абсолютными или относительными, но все равно объективными). Человек, согласно этой объектно-центристской парадигме – продукт общества и гносеологический субъект, осваивающий и отражающий в своем сознании объективный мир. Тезис К.Маркса «сущность человека есть совокупность всех общественных отношений», ставший в советское время альфой и омегой не только общественных наук, но и таких, как, скажем, психология, наиболее полно выражает характер этого мышления, превращающего человека полностью в существо социальное, когда духовное является лишь частью и результатом социальной жизни. Отсюда культура также явление социальное, а человек – один из сформированных «продуктов». Хотя этот прямолинейный взгляд в современных гуманитарных научных дискуссиях постепенно преодолевается, основное внимание по-прежнему уделяется объективным формам существования культуры, социальным сферам ее функционирования, а не человеку как ее творцу, не истокам самого культуротворческого процесса. Так называемая социокультурная тематика стала преобладающей в наших культурологических исследованиях, причем специфически культурное содержание в них нередко подменяется узкосоциальным. Более того, существует

научное направление, сторонники которого вообще считают, что культура и социальная структура – явления тождественные. Ф. Баас утверждает, что наука о культуре вообще невозможна. С ним солидаризируется А.Радклиффор: «Вы можете изучать культуру в качестве характеристики социальной системы. Поэтому, если вы стремитесь создать науку, то это будет наука о социальной системе». С этой концепцией связано так называемое функциональное понимание культуры (Б. Малиновский, Т. Парсонс, Э. Маркарян, А. Флиер и многие другие). Культура здесь понимается как способ деятельности, система небиологических механизмов, благодаря которым программируется и реализуется активность человека в обществе как средство его адаптации в окружающем мире. С точки зрения понимания культуры как объективного явления, утверждение это совершенно верно, но оно не дает ответа на вопрос об источнике ее возникновения, развития и совершенствования. Функциональный взгляд на культуру (особенно в обыденном сознании) традиционно связывается со степенью совершенства, мастерства той или иной деятельности («культура труда», «политическая культура», «культура монтажа» и т.д. и т.п.).

Широко распространенным пониманием в духе объектно-центристской парадигмы мышления является дескриптивное (описательное) определение культуры, когда она представляется в виде перечисления компонентов, форм ее существования, «каждый из которых в принципе может быть изучен вне связи с другими» (С.В.Лурье).

В свете этого понимания культуры составляются программы, преподаются самостоятельные курсы материальной, художественной, духовной культуры и других отдельных сфер социальной деятельности – трудовой, национальной, политической, физической, технической и т.д.

Но существует и другое понимание культуры, имеющее глубокие корни в субъектно-центристской парадигме мышления.

Сущность и формы бытия предметов культуры в обществе, утверждают адепты этой парадигмы, нельзя рассматривать лишь как некие объекты, независимо от того, кем, какими субъектами они создаются, результатом какой деятельности они являются. В пределах этой парадигмы исторически сложились две концепции культуры. Первая – богословская, преимущественно библейско-христианская, с ней связана традиция философской рефлексии. Вторая – светско-антропологическая, опирающаяся на научные исследования.

Основой первой выступает монотеизм, согласно которому все мироздание является результатом творческого акта Единого, Абсолютного и совершенного субъекта – Бога. Именно им, по Его «образу и подобию» сотворено существо – человек, с духовной энергией и творческим разумом, благодаря которым он может «создавать мир заново», в том числе и предметы, называемые культурой. Но Бог не только наделил свое любимое детище – человека – креативными способностями, но и благодаря своей бесконечной мудрости и владению всей информацией мира, вдохновляет его на самые высокие деяния, создание совершенных произведений искусства, литературы, открытий науки. Поэтому культура здесь понимается как некая среда, в которой зарождается, вырастает и под воздействием Божьем преобразуется жизнь. Такое понимание культуры утверждается не только в богословских трактатах, но и в сочинениях многих представителей русской и зарубежной философской мысли (С. Булгаков, Ж. Маритен, Г.Честертон, Г. Марсель, М. Шелер, Г. Зиммель и др.).

Вторая концепция связана с пониманием человека как самодостаточного земного существа, наделенного творческим даром. Она также имеет давнюю традицию, идущую от Сократа, Паскаля, Канта, Лейбница, Шеллинга и др., а в новое время она нашла свое выражение в сочинениях экзистенциалистов (Хайдеггер, Ясперс, Сартр, Камю),

персоналистов (Шелер, Мунье, Бубер и др.), интуитивистов (Берсон, Н. Лосский, Гуссерль и др.). В нашей стране уже в советское время проблема личности как субъекта деятельности и творчества была представлена такими крупными психологами, как С.А. Рубинштейн, А.Н. Леонтьев и др. Сегодня эта позиция близка тем психологам, которые, в противовес представителям так называемого естественно-научного направления в истолковании психологической жизни человека, разрабатывают теорию о месте и роли духовного мира в творческой деятельности личности (В.М. Аллахердов, А.А. Гостев, В.И. Слобончиков, Б.В. Ничипоров, А.Н. Жихарев и др.). Но наиболее последовательное и полное обоснование объектно-центристской концепции дано в произведениях антропологов, например представителя сибирской школы философов Ю.М. Федорова. Его работа «Сумма антропологии» имеет, на наш взгляд, огромное, к сожалению, далеко не оцененное методологическое значение для развития философии, антропологии и культуры. Согласно взглядам Федорова (их разделяет и автор), культура – результат духовно-творческой деятельности человека как неповторимой, целостной личности, генетически связанной с трансцендентным, космическим миром.

Культура, как и другие виды деятельности, является специфическим способом утверждения человека в мире. Беззащитный перед природой, физически слабый перед множеством других существ на Земле, он мог выжить, утвердиться в жестоком мире, распространить свое могущество на всю планету благодаря «мудрости» и «красоте», интеллекту, творчеству. У поэта эпохи Возрождения П. Ронсара есть такое шуточное стихотворение:

Природа каждому оружие дала:

Орлу – горбатый клюв и мощные крыла,

Быку – его рога, коню – его копыта.

У зайца – быстрый бег, гадюка ядовита,

Отравлен зуб ее. У рыбы – плавники,
И, наконец, у льва есть когти и клыки.
В мужчину мудрый ум она вселить умела.
Для женщин мудрости природа не имела
И, исчерпав на нас могущество свое,
Дала им красоту – не меч и не копьё.
Пред женской красотой мы все бессильны стали,
Она сильней богов, людей, огня и стали.

Вспомним, у Достоевского: красота спасет мир. (Разумеется, не только женская красота, но любое совершенное творение рук человеческих спасает нас.) Культура должна помочь человеку сохранить тот мир, в котором он утвердился, тот «Дом», в котором он живет. Именно духовность во всей ее сложности (о чем пойдет речь далее) определяет сущность, содержание, процессы функционирования культуры во всех сферах общества.

В современной культурологии все больше утверждается мысль о духовности как единой основе культуры и считается не корректным деление культуры на материальную и духовную, якобы представляющих ее особые сущности. Признанный авторитет в области систематизации понятий культуры Ю.С. Степанов пишет: «В культуре не только слова, но материальные предметы могут нести духовный смысл: между духовной и материальной культурой нет резкой непроходимой границы... В культуре нет ни чисто духовных концептов, ни чисто материальных вещей, каждое явление культуры имеет две эти стороны». Очевидно, правильнее говорить о формах и степени духовности, воплощенных в различных областях и продуктах, результатах деятельности человека, лишь конвенционально определяемых как культура. Культура (если это культура) не может быть недуховной. Но духовность есть только сущность, содержание культуры, а не вся культура в полном объеме ее объективного существования.

Во-первых, духовность – явление не материальное, не вещественное, а идеальное, чувственно не воспринимаемое. Чтобы стать явлением культуры, духовность должна принять объективные, чувственно воспринимаемые формы. Эту функцию выполняют знаки самого разнообразного характера и назначения. Знаковые системы – одежда культуры, ее реальное бытие в объективном мире: как нет культуры бездуховной, так нет ее и беззнаковой. Этой стороной культуры занимаются семиотика, лингвистика, семантика, языкознание, которые по сути являются культурологическими дисциплинами.

Во-вторых, духовность – не некое статичное состояние человеческой экзистенции. Наоборот, это бурные процессы жизни, внутреннего мира человека, это специфическая деятельность, полная противоречий, восторгов и трагедий – бесконечно волнительное море страстей. Но, как и вечная деятельность, она имеет определенные этапы формирования мотивов и целей, которые осуществляются с помощью присущих лишь культуре методов и средств для достижения конкретных результатов – артефактов культуры, в которых воплощается духовное содержание, мыслимое в виде идеальных смыслов, ценностей жизни и т.д. Этот процесс составляет специфический предмет особого культурологического знания.

В-третьих, человек – существо общественное. Его духовность, разумность, являясь принадлежностью индивида, вместе с тем исторически, генетически и актуально складывается в результате общения, взаимодействия с другими людьми. Как показал еще Кант на основе анализа одного из видов культуры – искусства, – разумность есть свойство «всеобщей сообщаемости», присущее человеку как роду. Кантовская идея «всеобщей сообщаемости» получила продолжение в теории о коммуникативной сущности эстетического творчества. Согласно ей, опыт в искусстве формируется с учетом того, что он должен быть сообщен, искусство поэтому – высшая «форма коммуникативной деятельности». С

этой основополагающей идеей связаны семантические и семиотический подходы к искусству и культуре (Э.Кассиер, А. Уайдхед, Ч. Моррис, Ч. Пирс и др.).

Все эти три стороны культуры творческого процесса – духовное содержание, знаково-семантическая форма и коммуникация – выступают как органическое целое, но их роль в нем в разное время и в разные эпохи меняется. Ныне именно коммуникационные средства начинают все более существенно влиять и на содержание культуры, и на ее понимание вообще.

Мировое развитие во второй половине прошлого века, с началом формирования информационного общества, со всей очевидностью свидетельствовало об органическом единстве и взаимозависимости культуры и коммуникативных процессов, что не могло не привести к появлению теоретических взглядов и концепций, которые отражали бы эту новую реальность бытия, во многом определяющую характер грядущей цивилизации. Уже в 60–70-е годы глава французской социально-психологической школы Абрам Моль издал ряд таких работ, как «Теория информации и эстетики», «Социодинамика культуры», которые оказались среди редких в то время публикаций зарубежных авторов, переведенных на русский язык.

Рассмотрение динамики культуры Моль предпринимает в терминах теории массовой коммуникации, все процессы культуры в обществе предстают в его работах как коммуникационные отношения, в которых стороны выступают в качестве сообщений, передаваемых по определенным каналам. Сама культура, по мысли автора, есть материализация духовной жизни личности и общества в огромном множестве сообщений, несущих различные виды информации, которые составляют «память мира», его «логосферу».

На материале главным образом радио и телевидения Моль сформулировал основные доктрины влияния СМИ на общество

(демагогическую, догматическую., эклектическую, социодинамическую), но больше всего внимания посвятил доктрине культуралистской – как представлении о системе гуманистических знаний и ценностей, процессе создания потока сообщений, отражающих «глобальную культуру». Ему же принадлежит приоритет в определении характера этой культуры, связанной со средствами массовой информации: «Следует свыкнуться с представлением о мозаичном (подчеркнуто мною. – Б.С.) характере нашей культуры, то есть о целом, собранном из отдельных кусочков, признать, что это и есть культура в полном смысле слова». Несмотря на гигантский прогресс в технологиях и практике массмедиа, это определение и ныне представляется нам неоспоримым.

В результате анализа бурного развития СМК было выработано понятие «массовая культура», которое получило широкое распространение в мире благодаря как ее апологетам (Парсонс и др.), так и ярким противникам, среди которых особенно заметное место занимают взгляды представителей поздней Франкфуртской школы неомарксизма во главе с Г.Маркузе и Т.Адорно.

В Советском Союзе вопросы массовой культуры и информации начали освещаться с 60-х годов – со времени широкого распространения радио и особенно телевидения среди населения страны. При этом до середины 80-х во всех средствах массовой пропаганды (СМИП) доминировал идеологический взгляд на массовое общество и массовую культуру как на явления, присущие лишь капитализму на стадии империализма со всеми присущими ему противоречиями. Теории же, представляющие их в позитивном плане (даже информационные и кибернетические технологии) должны были подвергаться жесточайшей критике.

Сегодня трудно представить себе, что в годы, когда кибернетика за рубежом одерживала одну победу за другой, в нашей печати появлялись

статьи, к примеру, под такими названиями: «Кибернетика – «наука» мракобесов» или «Кому служит кибернетика». И даже когда отечественная кибернетика и информатика начали отвоевывать свои позиции (Э. Кольман, А. Колмогоров, А. Берг и др.), их продолжали развенчивать с «марксистских материалистических позиций».

Передачи же западных СМИ и буржуазной массовой (и не только массовой) культуры не должны были проникать в среду советских людей и воздействовать на их сознание.

Советская культура рассматривалась как культура масс, которая должна обладать качествами народности и партийности, а творческим методом художественного творчества признавался лишь социалистический реализм. Эта идеологическая концепция в еще более жесткой форме распространялась и на деятельность печати, радио и телевидения.

Разумеется, сама практика функционирования этих средств, особенно телевидения, выходила за рамки проскрутого ложа цензуры. Успехи научно-технической революции, развивающейся в мире, не могли не захватить нашу страну, что привело к созданию мощной технологической базы электронных средств массовой коммуникации, появлению бытовой аудио- и видеоаппаратуры, множительной и копировальной техники. Все это в огромной степени расширило связи с Западом в области информации и культуры, и никакими запретами, репрессиями, «глушилками» процесс этот остановить было уже невозможно.

Особое место в культурной жизни тех лет заняло телевидение, казалось бы, одно из самых подцензурных средств массовой коммуникации. Сами масштабы подготовки и ведения многочасовых программ потребовали привлечения в редакции телевидения громадного количества творческих работников, прежде всего представителей интеллигенции, взгляды, убеждения и вкусы которых далеко не всегда

совпадали с требованиями идеологического руководства. Программное обеспечение каждодневных многочасовых эфиров потребовало включения в них не только проверенных информационных и аналитических материалов, но и такого количества произведений музыки, театра, литературы, художественных фильмов самого различного, в том числе развлекательного, характера, содержание и форму которых невозможно было процензурировать. Художественная продукция заняла ведущее место среди других видов и жанров передач. Произошла определенная эстетическая мифологизация и романтизация телевидения. Это нашло свое воплощение в концепции, рассматривающей его как «новый вид искусства» (В.Сапак).

В те же годы отечественная наука начала разработку проблем общей теории средств массовой коммуникации, прежде всего телевидения, связанную с журналистской деятельностью (А.Я.Юровский, Э.Г.Багиров, Р.А.Борецкий и др.) Поначалу связь СМИП и культуры в духе требований времени рассматривалась как объект для информации об одной из структур социальной жизни страны, разумеется, в определенной идеологической интерпретации, как репродукция на экране или аудиозаписи готовых произведений литературы и искусства, как трансляция оригинальных, созданных по законам телевидения или радиовещания произведений искусства.

Но наступили другие времена – перестройка, а затем провозглашение суверенитета России, – которые при всей неоднозначности их нынешних последствий и оценок дали тот неоспоримый результат, что был преодолен идеологический диктат, появилась свобода информации, начался невиданный ранее, поражающий воображение процесс распространения различных по значению культурных ценностей, теорий и взглядов. В стране стал утверждаться объективный, научный взгляд на массовую культуру во всем ее многообразии и разносторонности.

Подробнее на современной интерпретации массовой культуры мы остановимся далее.

В атмосфере провозглашенной свободы мнений отечественная наука добилась определенных успехов в разработке методологических, теоретических и исторических оснований культурологического и информационно-коммуникационного знания.

В области культурологии – этой относительно молодой гуманитарной дисциплины, – принятой в качестве одного из предметов преподавания в вузах страны и переживающей своеобразный Ренессанс (по крайней мере, количественный) в издании научной и особенно учебной литературы, для утверждения нашей концепции имеют большое значение несколько положений.

Во-первых, это расширение и углубление понимания духовной сущности культуры. Чему способствовало прежде всего непредвзятое изучение истоков, менталитета культуры, религиозных учений и взглядов (для нашей страны главным образом христианства-православия). Отмена запрета на религиозную деятельность, провозглашение свободы совести, возможность непредубежденного анализа и использования в научных дискурсах напечатанных большими тиражами священных книг, житийной, святоотеческой, богословской литературы и других закрытых ранее источников. Все это способствовало более глубокому пониманию духовной жизни человека, основ массового общения, коммуникации. «Религиозный культ, – писал С.Н. Булгаков, – вообще есть колыбель культуры, ее духовная Родина». Известный христианский писатель IV века Лактанций считал, что термин «религия» происходит от латинского глагола *religare*, означающего *соединять, связывать, общаться*, что составляет важнейшую функцию культуры.

Совершенно исключительную (не только научную), вдохновляющую роль в обосновании выдвигаемой нами концепции

сыграли не публиковавшиеся в советское время работы философов русского зарубежья – С.А. Аскольдова, Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова, Б.П. Вышеславцева, И.А. Ильина, Н.О. Лосского, Г.П. Федотова, С.Л. Франка, а также выдающихся ученых-страдальцев, оставшихся в России, А.Ф. Лосева, П.А. Флоренского и др. В их великолепных произведениях, большинство которых было посвящено именно размышлениям о культуре, ее месте в изменяющемся мире, последовательно и настойчиво проводилась мысль о высоких требованиях к субъектам творчества, о духовном смысле их произведений, о борьбе с наступающей вместе с технической цивилизацией бездуховности и пошлости.

Во-вторых, для разработки предлагаемой концепции культуры большое методологическое значение имели положения синергетики, которая завоевывает все больший авторитет в современном научно-философском сообществе. Прежде всего это относится к поистине революционному утверждению синергетики о соотношении материального и идеального в природе (О.Н.Астафьева, В.К.Егоров).

Человек здесь рассматривается как открытый самоорганизующий мир, который при помощи разумности, духовности превращает бесконечную хаотическую информацию в систему упорядоченности, в творчески созидательную деятельность. Духовная жизнь, по утверждению одного из авторов синергетической парадигмы, и есть жизнь культуры (О.Н.Козлова). Духовная жизнь человека и общества – бесконечно сложный и противоречивый процесс, который чреват локальными и системными кризисами, сопровождающимися упадками культуры. Их внешние проявления в синергетике определяют как точки бифуркации, которые представляются трагическими и непреодолимыми. Но свобода творческой деятельности, способности к самоорганизации, преодолению энтропических процессов жизни могут вывести культуру на новый виток

развития. Но при одном непременном условии – сохранении и обогащении духовности, гуманизма, человечности.

В-третьих, одной из фундаментальных основ культурно-творческой деятельности является знаковая система, теоретические положения которой разрабатываются семиотикой, а также науками о языке, филологией, лингвистикой, семантикой. Один из патриархов семиотики и современной лингвистики указывал, что культуру следует понимать как «знаковую систему, определенным образом организованную, предлагая ввести описание типов культуры как особых знаков» (Ю.М.Лотман). Эта проблема будет более подробно рассмотрена в третьем разделе нашей работы. Сейчас лишь отметим тот прискорбный факт, что при существующей и постоянно углубляющейся дифференциации науки в большинстве работ как по культурологии, так и по другим гуманитарным дисциплинам, авторы которых, следуя моде, в библиографических списках ссылаются на имена выдающихся семиотиков и лингвистов, тем не менее редко используются их идеи для сущностного понимания культуры.

Наконец, огромное значение в разработке современных проблем культуры имеют исследования в относительно новых областях науки – информации и коммуникации. Информация как предмет научного и философского осмысления вышла сегодня на первый план среди других областей знания, а информатиология получила статус методологии для многих, в том числе культурологических, исследований.

Информационные процессы в обществе принимают социально-коммуникативный характер, их анализом занимается формирующаяся ныне новая научная дисциплина – коммуникастика (коммуникология) (Л.М.Землянова, М.М.Назаров, В.Д.Попов и др.).

Серьезные наработки в области исследований массовых коммуникаций сделаны социологами (В.П.Конецкая, Л.Н.Федотова), социальными психологами (Н.Н.Богомолова, Т.М.Дризе и др.).

* * *

Изложенные в этом разделе материалы дают основание сделать вывод, что культура представляет из себя сложнейший триединый процесс духовной, знаковой и коммуникативной деятельности, направленной на развитие, возвышение человека и гуманизацию общества. Именно духовность, духовный, внутренний мир человека (мышление, разум, сознание и самосознание, воображение, высшие чувства и эмоции, способность к творчеству и т.п.) определяет его сущность, неповторимость, уникальность, суверенность как личности. Это работа души, поиск смыслов и подлинных ценностей жизни, веры в вечные истины, формирование нравственных и эстетических идеалов. Вне духовной деятельности, духовного содержания, творчества культуры нет.

Но духовность – внутренняя сторона деятельности личности. Она становится осязаемой, слышимой лишь через материальную субстанцию – знаково-коммуникативную систему – систему акустических, визуально-изобразительных, словесных, паралингвистических, естественных и искусственно созданных человеком знаков, определяемую как язык культуры или ее тексты, которые распространяются в обществе специальными средствами общения и связи – коммуникациями. Вне этих медийных средств культура как социальное явление невозможна.

Рассмотрим эти положения подробнее.

ДУХОВНАЯ ЖИЗНЬ КАК СОДЕРЖАНИЕ КУЛЬТУРЫ

Как следует из рассматриваемой нами концепции, культура – это процесс творческой деятельности субъекта, человеческой личности, содержанием которой является духовность. Один из замечательных представителей русской философии и психологии Б.П. Вышеславцев в своей работе «Этика преображенного эроса», рассматривая основные ступени иерархической структуры личности, пишет, что первой ее ступенью является та, где проявляются физико-химические процессы и энергии; второй – живые клетки, биологическая энергия; третьей – коллективно-бессознательная, скрытая психическая энергия; четвертой – «лично бессознательная»; пятой – «сознательная душа», направленная на эгоцентрические установки, руководящие расчетом на удовольствие или на неудовольствие, воспринимающая и оценивающая все лишь в соответствии с витальными потребностями; шестой – духовное сознание, дух, духовная личность. В этом своем качестве «они есть строитель и носитель культуры» (подчеркнуто мною. – Б.С.). Развивая эту мысль, ученый называет и седьмую ступень, где подчеркивает «сознательное» и «разумное», которое позволяет личности рассматривать себя как представителя человеческого рода.

Точка зрения о духе, духовной личности как источнике и носителе культуры нашла свое глубокое обоснование и в работах С.Л. Франка, И.А. Ильина, и др. В своих исследованиях эти авторы опирались на глубокие традиции святоотеческой мысли, представленные такими выдающимися богословами, как Тихон Задонский, Феофан Затворник, митрополит Филарет и др.

Взгляды на личность и ее духовные ценности как высший смысл существования общества широко представлены в западноевропейской

философии и психологии (С.Кьеркегор, П.Шелер, Х.Тиллих, Ж. Маритен, А.Швейцер и др.).

Современные данные отечественной и мировой философии, антропологии, религиоведения, богословия, психологии, информатики и других отраслей знания, опирающихся на многовековой опыт человечества, позволяют сформулировать некоторые общие черты духовности, духовной жизни человека как истока культуры. При рассмотрении этой чрезвычайно сложной проблемы необходимо обратиться к традиционному учению о трихотомии (единстве тела, души и духа (духовности) в структуре человеческой экзистенции).

Тело, телесность – «внешние, физические формы человеческого и вообще живого организма» (П.Я.Черных). Есть и другие определения, связанные с древнерусским и старославянским языками: *существо материальное, как противоположность духу, как образ, вид, изображение, истукан*; на славянской почве это слово можно отнести к одному гнезду «тъло» – *почва, основа* (ср. с лат. *твердая земля, почва*).

В современной социологии для обозначения единства социального и телесного, индивидуального и коллективистского в личности широко используется термин «габитус» (Н. Элиас, П. Бурдьё), означающий укорененность человека в природном универсуме, подчиненность порядку естественной необходимости. Деятельность человека как «телесного субъекта» имеет целью обеспечение материально-биологических потребностей организма в продолжении рода, в пище, одежде, жилище, средствах передвижения, связи и т.д. На формирование и функционирование телесности оказывают влияние не только биологические, но и социально-культурные факторы. «Человеческое тело, – утверждают антропологи, – результат взаимного процесса биологического и социокультурного развития» (Н. Козлова). Вместе с тем биолого-материальная деятельность не является прямым источником

культуры, но создает необходимые условия для культуро-творческого процесса. Более того, между биолого-материальными, утилитарно-практическими потребностями и процессами жизни, с одной стороны, и культурой – с другой, существуют глубокие противоречия, которые могут обостряться до такой степени, что это приводит к деградации личности.

В христианском учении подчеркивается противоречивая связь тела и души и утверждается первенство духа над материей. Тело как «храм души» высоко оценивается, осуждаются лишь плотские грехи, а не сама плоть.

Еще сложнее отношения между душой и культурой в человеческой жизнедеятельности. Душа – основной мировоззренческий концепт мифологического и религиозного сознания начиная от архаических и до современных его форм. Позитивная наука пыталась заменить это ключевое понятие термином «психика», но, кажется, снова возвращается к нему. В художественной же литературе, искусстве с ним не расставались никогда.

Из многочисленных точек зрения о сущности, онтологии, функционирования души – этого сложнейшего и таинственного явления – отметим лишь некоторые важные для ее понимания черты. Душа – не материальное, не предметное, а «бесплотное» (В. Даль) существо, не доступное эмпирическим и экспериментальным естественно-научным методам исследования. Она присуща не только человеку, но и всем живым существам на свете. В язычестве и индуизме душа (прана) связывается с процессами существования не только живых, биологических систем, но вообще всех вещей на земле. Каждая вещь имеет свою душу, которая перемещается в пространстве, входит в другие тела, влияет на них и т.д. Так что слова поэта о «братьях наших меньших» имеют глубокий смысл как выражение единства человека со всем живущим на Земле и в Космосе. Однако душа человека принципиально отлична от души животного. Понятие «душа человека» является центральным в православной

антропологии, где она рассматривается как онтологическая, тварная (данная Богом) и бессмертная сущность. Быть живым значить иметь душу, «потерять» душу – значит умереть. Душа, воплощая в себе целостность и вместе с тем дуализм человеческой экзистенции, с одной стороны, «обращена» к телесному, а с другой – к духовному миру личности. В этимологии душа это «верование или убеждение, что наша мысль, чувство, воля к жизни обуславливаются чем-то отличным от нашего тела, хотя и связанным с ним, имеющим в нем свое местопребывание» (Энцикл. словарь Брокгауза и Эфрона). В отношении к телесности душа выполняет функции организующего центра, который осуществляет координацию различных потоков чувственной и интеллектуальной, внутренней и внешней информации, разных видов энергий для осуществления жизнедеятельности организма в бесконечно многообразных обстоятельствах. Для описания душевной деятельности в качестве ее субъекта называют сердце, в качестве цели – должное поведение, а средствами считаются знания, эмоции, первичные чувства, воля и т.д.

Духовность, как и душа – ее носитель, это, как уже отмечалось, невидимая, внутренняя, интимная сторона личности («внутренний человек»), которая тем не менее для нее самой представляется вполне реальной, очевидной «предметной» (И. А. Ильин), «духовным бытием» (С.Л.Франк). Это тот мир мыслей, высших чувств и переживаний, который в современной психологии и кибернетике получил наименование «виртуальной реальности».

Идеальный, духовный мир человека не подчиняется естественным, природным законам необходимости. Западноевропейский философ М.Шелер пишет: «То, что делает человека человеком есть принцип, противоположный жизни вообще, он как таковой не сводим к естественной эволюции. Человек – единственное существо, которое в отличие от животного, говорящего природе «Да», может сказать ей «Нет».

Человек наделен даром свободы. Ее анализу посвящено множество произведений философов, социологов, психологов, о ней высказывались выдающиеся поэты, художники, музыканты, но, пожалуй, глубже всего эта проблема разработана в христианстве, в антропологии богословия. «Весь опыт новой философии громко свидетельствует о том, – пишет Н.А.Бердяев, – что проблемы реальности свободы и личности могут быть истинно поставлены и истинно решены лишь для посвященных в тайны христианства... Свобода, прежде всего свобода – вот душа христианской философии».

Духовность и свобода – вот что сближает человека с Творцом. Сам Господь привел нас к свободе. В отличие от внешнего закона «Ветхого завета» христианство утверждает внутреннюю благодать – личностную свободу воли, нравственного выбора. Человек – единственное существо тварного мира, который, владея даром свободы, может даже пойти против воли Творца. Так случилось с первыми людьми – Адамом и Евой, совершившими грех непослушания, который лег тяжким грузом на всю историю человечества. Оказывается, свобода вне приобретенной в духовном опыте мудрости оборачивается (по Пушкину) «безумством губительной свободы» и тем, что Достоевский назвал «своеволием», если человек вступает на путь греха. Свобода – самая глубокая нравственная основа личности, ее исключительная привилегия и неотъемлемый дар, который человек может использовать или на благо, или во вред себе и людям. Для того чтобы различать то и другое, человечеству, как учит христианство, дан внутренний духовный закон совести. Архимандрит Иоанн Сан-Францисский (Шаховской) пишет: «В глубину сердца человеческого вложено нечто божественное, как бы высшая мысль: совесть... Совесть есть голос Божий, указывающий человеку, как надо ему поступать... Совесть внутри человека, и человек несет ее всегда с собой».

Именно на внутренней свободе основаны все творческие свершения, достижения искусства, науки, техники. Но духовная свобода предполагает величайшую ответственность человека перед самим собой, перед обществом, перед миром. «Чувство ответственности, – писал И.А. Ильин, – есть вернейший признак духовности».

Со свободой связано такое качество человеческой экзистенции, как способность к фантазии, воображению. О нем, как о даре Богов, писали великие поэты, писатели, художники. Его силой и неисчерпаемостью восхищались философы – от Сократа и Платона, Декарта и Канта вплоть до настоящего времени. В своем воображении, фантазии, творчестве человек преодолевает все мыслимые и немыслимые пространства, может оказаться в любом – прошлом, настоящем, будущем – времени. Именно творческий дух составляет сущность культуры. Таким образом, духовность – бесконечно сложное, таинственное, невыразимое словами явление бытия мира и экзистенции человека. Именно духовность характеризует, выражает, представляет индивидуальность, неповторимость, исключительность, именитство человека на протяжении его жизненного пути, то есть идентичность личности.

Душа человека (и духовность как ее производная) находится в постоянном, непрерывном движении, беспокойстве. «Душа должна трудиться», – говорит поэт. В результате, оставаясь в своей сущности постоянной, душа наполняется новым содержанием, обогащается, созревает до высших истин, преобразуется или обедняется, «умирает» раньше тела. Зарождение и обновление духовности, формирование «нового» духовного «внутреннего» человека – такой же таинственный процесс, как и рождение физической, телесной жизни. В богословии, а также в психологии и философии он обозначается понятием «духовной жизни».

В христианском богословии духовная жизнь трактуется однозначно как стяжание душой святого Духа. В естественно-научной психологии и до революции, и в советское время это понятие считалось принадлежностью исключительно богословия. Лишь с 60-х годов оно стало употребляться в философской литературе как имеющее отношение к обществу в целом (духовная сфера жизни общества: идеология, наука, искусство и др.). Сейчас это понятие, как уже говорилось, используется применительно и к отдельному человеку («духовная психология»).

Духовная жизнь не ограничивается внутренним миром человека – сфера ее значительно шире. «Духовность глубже, могущественнее, богаче, значительнее и священнее. Духовный человек научается преклоняться перед Богом, чтить самого себя, владеть и ценить духовность во всех людях и желать творческого раскрытия и осуществления духовной жизни на Земле (И.А.Ильин).

Эта величественность и значимость духовной жизни, единство ее внутреннего содержания и внешних форм его воплощения в объективном мире и представляет собой культурно-творческую деятельность, в результате которой создаются все подлинно гуманистические ценности на свете. В современной философии и психологии деятельность рассматривается как синоним творчества «Содержание деятельности, – писал Э. Гудин, – процесс, содержание которого составляет изменение и преобразование этого мира на основе освоения и развития наличных форм культуры».

В объектно-центристской традиции деятельность рассматривается как процесс, где «цели человека порождены объективным миром и представляют его» (В.И.Ленин). Однако цели, являясь идеально-мыслительными, проектными действиями человека по достижении желаемого результата, далеко не всегда определяются объективными обстоятельствами жизни. Как раз цели духовной творческой деятельности

нередко рождаются спонтанно, интуитивно, как бы приходят «свыше» в виде божественного вдохновения, озарения или незримой информации из природы, космоса. Освоенные человеком, они становятся побудительной причиной его активной деятельности. В своей ментальности, источнике они всегда носят индивидуально-личностный характер, и лишь в совместных действиях либо становятся целями коллектива и даже общества в целом, либо отвергаются ими.

При этом цели духовной деятельности, тесно связанные с материально-телесными процессами, тем не менее чрезвычайно специфичны. В материальной деятельности в качестве целей выступают мыслимые результаты, которые предполагают прямую, практическую полезность, необходимую для утверждения человека в мире как природно-социального существа.

Главным в этом процессе являются ответы на вопросы: чем (средства), как (способы, методы) и что (предметный результат). Цели и их результаты так или иначе связаны с определенными сферами общественной и личной жизни людей и с отдельными сторонами практической деятельности человека.

Специфика духовной деятельности состоит прежде всего в том, что она осуществляется индивидом, субъектом, цели которого выражают само существование человека, как личности «Я», разумного существа, представителя человеческого рода.

В соответствии с этими целями, с учетом особенностей жизненного опыта личности, социальных условий и исторических традиций общества формируется содержание культуры творческого процесса, который также обладает чрезвычайно важной спецификой и включает в себя несколько «блоков». Это, во-первых, определенный уровень, характер и объем знаний о себе и мире как неоспоримого свойства экзистенции человека разумного. Но всегда ли и в полном ли объеме результаты различных

видов познавательной деятельности становятся духовным достоянием человека и общества, входят в состав подлинной культуры? Не всегда и далеко не полностью. В познавательных процессах (что особенно актуально ныне) различают информацию и знание. На их различии построена парадигма образования в современную эпоху.

Информация – это некое нейтральное, безличное сообщение, доступное всем и каждому. Знание же всегда чье-то, оно принадлежит сознанию лично кого-то. Последнее есть «со-бытие», то есть связано с самим бытием личности, осмысленно или интуитивно превратившееся в его собственное достояние. Это «живое знание» (С.Л.Франк). Оно существенно отличается от научного даже тогда, когда принадлежит ученому. «Это знание живого о живом», – пишет В. Зинченко. Все это особенно характерно для современного этапа познавательных процессов, связанных с Интернетом. Знание в Сети перестает быть тем, чем мы владеем, оно становится тем, что мы посещаем. Фактически мы не узнаем что-либо, а скользим по поверхности, знакомимся, прикасаемся – знание и культурная память существуют в Интернете во фрагментарной и разрозненной форме.

Науки (в том числе и психологические, казалось бы, имеющие дело с «душой», но относящиеся к ней как к естественно-физиологическому феномену) изучают отдельные стороны личности, ее сознания, но не человека в целом. Между тем духовный мир – это сосредоточие всех его сторон и качеств, «управляющих» функционированием человека как целостного, неповторимого, уникального существа, это – микромир в бесконечных связях и опосредованиях с макромиром, космосом.

Наконец, наука была и тем более остается сейчас, в эпоху постмодерна, главным инструментом не только познания, но и использования объективного мира природы, общества и человека в практических естественно-биологических, социальных, экономических,

политических, коммуникационных целях развития и технологического обеспечения многообразной деятельности. Ее цели определяются тем, что необходимые для жизнедеятельности людей потребности требуют повседневного удовлетворения. А эти потребности, особенно в последнее столетие, необычайно возросли, что влечет за собой необходимость все новых научных открытий для расширенного воспроизводства. Даже образование, казалось бы, не имеющее прямого отношения к удовлетворению материальных потребностей, все больше «онаучивается» в естественно-биологическом и техническом духе.

Но, может быть, самое главное сегодня в том, что наука, претендуя на ведущую интеллектуальную силу общества, не гарантирует нравственной, гуманистической ценности своих достижений, которые поэтому могут стать (и действительно становятся) угрозой человеку и человечеству. «Позиция строгого исследования, безупречная с собственно научной точки зрения и высшая в пределах науки как таковой, – писал замечательный философ Н.Н.Трубников, – не является окончательной и высшей за этими пределами, не является окончательной и высшей с точки зрения общечеловеческой».

Потребности и цели науки, которые противоречат человечности, не могут становиться позитивной ценностью и входить в духовный мир личности и общества.

Однако существуют потребности не столь очевидные и насущные, как еда, одежда, желание трудиться и т.д., удовлетворение которых не решает практических, социальных и материальных задач и которые не входят (по Канту) «в мир вещей», а существуют в идеальной сфере жизни – это потребности, вызывающие духовную деятельность. Они не доступны естественно-научному познанию. Но именно они определяют подлинно человеческое в человеке, его сущность и предназначение в мире. Далеко не случайно поэтому обращение современной психологии к

процессам и явлениям духовной деятельности, формирование таких ее направлений, как «духовная психология», «понимающая психология» и др. Здесь, – как пишет А.А.Гостев, – психология сталкивается со сложным вопросом соединения традиционной науки и того, что может быть названо наукой возможного, под которой мы понимаем научное рассмотрение возможных путей и объектов познания. Это актуально и для психологии. Духовный опыт рассматривается искусством, философией, культурологией, теологией, и психология должна вращаться в подобную междисциплинарность».

Кроме осознанных и неосознанных (интуитивных) знаний, необходимых для обеспечения целостной деятельности организма, понимания человеком себя как личности, формирования потребностей, мотивов деятельности и общения с другими людьми, в духовную сферу входит блок явлений, которые можно определить как мировоззренческие. Важнейшие из них – вера, смыслы, ценности жизни, убеждения и т.д.

В светской рационалистической (в том числе, философской) литературе вера рассматривается прежде всего как явление исключительно религиозное и, как правило, она противопоставляется научному знанию.

Это не случайно. Начиная с конца XVII столетия в Западной Европе, а затем и в России в связи с секуляризацией общественного сознания распространяется мнение, бытующее до сих пор, что люди вообще могут прожить без веры, что всякая вера есть «суеверие», которое будет преодолеваться с распространением просвещения. Что же касается веры религиозной, то она якобы в принципе противоречит науке, не совместима с ней.

Однако еще в 50-х годах прошлого века великий русский философ И.А.Ильин (на которого мы уже не раз ссылались) глубоко аргументированно доказал несостоятельность подобных воззрений,

доживших тем не менее до наших дней, о чем приходится говорить снова и снова.

Безусловно, есть люди, которые не верят в Единого Бога или многих богов, но нет человека (если, конечно, он не потерял человеческий облик), который бы ни во что не верил. Во что же верят люди? Как пишет И.А.Ильин, «в нечто такое, что они принимают за главное и существенное в жизни, что действительно для них и есть самое важное, чем они дорожат и чему служат, что составляет предмет их желаний и стремлений. Такое отношение и есть отношение веры, и тот, кто имеет такой предмет, тот верит в него».

Предметы, характер, психологические механизмы, содержание веры могут быть различными. В русском языке понятие «вера» имеет два значения. Одно связывается с психологической потребностью верить во что-либо или в кого-либо – в сновидения, приметы, личности друга или вождя. Другое означает веровать в нечто высшее, абсолютное, определяющее судьбу человека и судьбу мира. В христианстве – это вера в Единого Бога, Творца, Спасителя.

Истина и высокая вера не одно и то же. Истина – результаты науки, которые добываются внешним, чувственным, естественным опытом или экспериментом и воспринимаются с уважением или сомнением. Но они, как правило, не согревают и не воспаляют людские души. Вера – нечто большее, чем холодные истины. Вера – всегда отклик души, ее истины воспринимаются сердцем и вызывают творческий отклик духа, а «где говорит сердце, на его голос откликается и остальное существо человека» (И.А.Ильин).

Таким образом, вера – результат глубокого внутреннего духовного опыта человека, достояние его духовного мира, один из источников культуры.

Вера связана с другим важнейшим компонентом содержания культуры – формированием смысла жизни человека, различных сторон его мироощущения, мировоззрения. Имеет ли жизнь вообще смысл? А если да, то в чем он состоит? Кто из нас в ранней юности не задавал себе такие вопросы? Зачем человек живет, способен ли он совершить что-либо значительное или просто прожигает дни и годы без цели и смысла? Поиск цели и смысла жизни является одной из особенностей духовной деятельности, представляющей собой своего рода инстинкт, стремление человека к преодолению кажущейся бессмысленности мира. «Человеческое сердце не находит себе покоя, пока не найдет и не осуществит смысл и цель жизни», – пишет известный американский психолог В.Франкл.

Поиски ответов на мучительные вопросы о смысле жизни всегда были присущи русскому человеку, что нашло свое отражение в завоевавших мировую славу произведениях нашей художественной литературы. При этом, как писал философ русского зарубежья С.Л.Франк, для русских людей, особенно интеллигенции, эти поиски преимущественно были направлены на преобразование социально-политического строя революционным путем. Революционность стала смыслом деятельности советских людей (а для многих и смыслом самой жизни) на протяжении почти всего XX столетия. Она нашла свое воплощение в советской культуре. Революционная риторика и поныне определяет смысл деятельности многих политиков, ничему не научившихся на уроках прошлого.

Небывалый, происшедший всего за полтора десятка лет перелом в истории страны, переход от социализма, с его коллективистским типом смысла жизни, где индивидуальное, личностное растворялось в общем, в массе, к капиталистическому типу породил растерянность в духовной ориентации человека. Неожиданно открывшиеся возможности наживы,

возросшая сила денег оказали свое пагубное влияние на сознание многих людей, которые в их приобретении видят единственный смысл жизни со всеми вытекающими отсюда последствиями. На наших глазах утверждается психологии потребительства и псевдокультура. Вместе с тем расширение демократических свобод способствует развитию инициативы личности, ведет к выработке индивидуальных смыслов жизнедеятельности в труде, социально-политической и духовной сферах, повышает личную ответственность человека за судьбы природы, своего отечества, культуры, за все, что происходит в мире.

«Быть человеком – значит быть обращенным к смыслу, требующему осуществления, и ценностям, требующим реализации. Это значит жить в поле напряжения, возникающего между полюсами реальности и идеалами, требующими материализации. Человек живет идеалами и ценностями» (В.Франкл). Человек может найти смысл жизни в осуществлении творческого проекта, в свершении значительного дела, в общении с природой, в переживании добра, истины и красоты, а главное – во встрече с другим уникальным человеком, в любви, семье, дружбе.

Важнейшая особенность ценностей – «обладание способностью проецировать «человеческое», «субъективное» на весь предметный мир. «Ценностное мировосприятие как бы покрывает предмет волшебной амальгамой, отражающей движения человеческого духа, отсвечивающей экзистенциальными смыслами» (Ю.М.Федоров). Другими словами, в ценностном отношении человек обнаруживает человеческое, субъективное содержание. Вступая с внешним миром в «субъективно-субъектные отношения» (как прямые, так и опосредованные), он обретает способность ценностно переживать и свое собственное существование.

Духовная жизнь человека – это непрерывный процесс продуцирования ценностей, в котором культура выступает своеобразным генофондом смыслов и программ, представляющих собой меру

человечности в предметах, явлениях и событиях нашего противоречивого, сложного и далеко не совершенного мира.

Ценностный подход – основа исследований явлений культуры. Здесь предметом выступает не «объективная реальность», а результат нашей оценки действительности и выделения на этой основе того, что «значимо для нас». Такой подход позволяет занять определенную ценностную позицию по отношению к окружающему нас миру, придать ему должный смысл. Известно положение Спинозы, что мы любим вещи не потому, что они хороши, но они хороши потому, что мы их любим и соответственно оцениваем.

Ценностным центром духовного мира личности и общества является человек. «Все в этом мире приобретает значение, смысл, ценность в соотношении с человеком... все возможное бытие и весь возможный смысл располагаются вокруг человека как центра и единственной ценности» (М.М.Бахтин).

Именно совокупность знаний о человеке, их творческое освоение и продуцирование во вне составляет то духовное богатство, которое становится внутренним содержанием культуры.

Оно «распаковывается», становится зримым, осязаемым, воспринимаемым другими через предметную деятельность и знаковую систему. «Сохранить свою душу на века, обессмертить ее человек в состоянии, лишь участвуя активно в культурно-творческом процессе, который есть не что иное как процесс «заточения» человеческого духа в пирамиду знака... Но став узницей предметных форм, душа будет томиться в ожидании часа освобождения» (Ю.М.Федоров).

Человек творит не только для себя, но и для других людей, для человечества. Как писал Гете, лишь все человечество вместе является истинным Человеком, и индивид может только тогда радоваться и наслаждаться, если он обладает мужеством чувствовать себя в этом целом.

Но такое возможно лишь в том случае, когда духовно-предметно-знаковый творческий процесс включает в себя коммуникации, средства передачи, трансляции своего содержания и форм другим людям. Без этой медийной стороны невозможна ни культура личности, ни культура общества. Этой стороне единого культурно-творческого процесса посвящен следующий раздел работы.

ЗНАКОВО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ И КОММУНИКАТИВНЫЕ МОДУСЫ

Содержание внутреннего и состояние внешнего мира человек может осознавать, интерпретировать, лишь опираясь на разветвленную систему знаков. Как считает специалист в области языкознания и герменевтики Поль Рикер, «не существует понимания самого себя, не опосредованного знаками, символами и текстами». Без этого нет понимания и освоения внешнего мира. На уровне обыденного сознания представляется, что мир дан нам непосредственно в восприятиях таким, каким он является на самом деле. Но это достаточно распространенное (в том числе, среди философов) заблуждение, ибо человек воспринимает мир опосредованно, а опосредующим звеном выступает знаковая, языковая в широком смысле слова система. На ее основе он формирует свой индивидуально-неповторимый мир культуры, который в процессе коммуникации становится достоянием общества. Еще в 70-е годы Ю.М. Лотман предлагал изучать культуру как «некоторую систему» и утверждал, что описание культуры необходимо делать на основе «особых языков». Ю.В.Рожественский считает семиотические проблемы предметом культуроведения. Он пишет, что унитарными носителями информации о фактах культуры могут быть только знаки, объединенные в семиотические системы. С помощью этих систем предметы природы и техники входят в культуру, что позволяет отделить их от хозяйственного предназначения и использования.

По общепринятому определению, знак есть предмет природы или человеческой деятельности, обладающий смысловым значением для некоторой организованной системы. Знак состоит из двух частей: материальной, воспринимаемой части, и информационной. Первую называют формой знака, вторую – его содержанием (или смыслом). Форма

знака есть его «тело», именуемое «квазиобъектом». Будучи использованным как «тело», знак в известном смысле утрачивает свою «материальность». Вещи, предметы, превращаясь в знаки, начинают представлять, выражать собой другие предметы и явления, их содержание, смыслы, значения. «Знак, – писал Гегель, – есть непосредственное созерцание, представляющее совершенно другое содержание, чем то, которое оно имеет само по себе; пирамида, в которую переносится и в которой сохраняется чья-то чуждая душа».

М.М. Бахтин, рассматривая диалектику отношений «тела», материального носителя знака, и его значения, подчеркивает чрезвычайно важную модель, нередко упускаемую исследователями: «Значение может принадлежать только знаку; значение вне знака – фикция. Значение является выражением отношения знака как единичной действительности (материального носителя. – Б.С.) к другой действительности, им замещаемой, представляемой, изображаемой. Значение есть функция знака» (подчеркнуто мною. – Б.С.).

Поэтому вряд ли можно согласиться с теми авторами, которые рассматривают «тело» знака лишь как несущую конструкцию содержания. Безусловно, главным в знаке является его содержание, смысл, значение, но и их носитель не просто мертвая материя, безразличная содержанию. Ведь значение – функция знака.

Далее, значение, содержание знака далеко не безразлично тому, в каком «теле» оно найдет свое воплощение, изображение и т.д. Определенный характер содержания может быть адекватно выражен, воплощен в соответствующей ему форме, материале предмета – иконической, акустической, телесно-выразительной, вербальной и т.д. Сама материальная «телесная конструкция» может оказывать (и действительно оказывает) значительное, а подчас решающее влияние на содержание, значение знака – произведения культуры, особенно искусства.

Наконец, только через телесность осуществляется важнейшая (если не главная) функция знака – общение с другими субъектами, передача содержания, коммуникативность, медийность.

Знаки человеческой жизнедеятельности бесконечно многообразны. Но все они относятся к двум общим типам – естественным и искусственным. И те, и другие участвуют как во внутреннем культурно-творческом процессе личности, так и во внешнем укоренении, распространении ценностей в обществе. Знаки обоих этих типов обычно называют языками.

Естественные языки – это знаки, которые создаются на основе и с помощью органов чувств человека, данных ему свыше – природой, генетическим кодом. Они способны выразить богатейшую гамму эмоций, страстей, характеризующих индивидуальные качества личности. Это первый, перцептивный уровень психики человека и содержания его знаковых систем. На основе сложившихся первичных, конкретно-чувственных образов, в процессе их осмысления, с включением памяти, представлений и ценностей, воображения, фантазии и других факторов духовной жизни формируются «вторичные образы». Под ними понимаются «неперцептивные явления внутреннего мира личности, которые возникают в отсутствии непосредственно воздействующего их прообраза, вне образов актуального восприятия, хотя и не полностью оторванных от них» (А.А.Гостев). Более того, «материальная форма» последних становится носителем этих вторичных образов, так сказать, их «телом». Именно так и рождаются произведения искусства, которые включают в себя план содержания (семантику), план выражения (форму, знаковые выражения) и план трансляций (коммуникации).

Можно, очевидно, говорить о трех главных знаковых системах, так или иначе связанных с телесностью. Это прежде всего – многообразные движения человеческого тела – головы, рук, ног и т.д. Движение –

всеобщее свойство природы – служит человеку в качестве средства приспособления к внешней среде, утверждения его в мире как естественного и вместе с тем разумного существа – целостного феномена, представителя рода Человека на Земле и в Космосе. В процессе познания окружающей действительности и творческой активности тело становится носителем бесконечного количества знаков, необходимых ему и для общения с другими людьми, и для внутреннего совершенствования. «Само по себе тело может быть представлено как текст, как реализация знаковой (означающей) деятельности. Мы можем «читать» тела как книгу» (Н.Н.Козлова). Выразительные повороты головы, мимика лица, бесконечное многообразие жестов рук, пальцев (азбука глухонемых), наклоны и повороты корпуса (ритуалы в разных обществах), неутомимая и изящная работа ног (танцы) – все это составляет великолепную знаковую систему, связанную с биологическими ритмами организма.

С расширением жизненной практики, эстетического освоения действительности, обогащения духовного мира людей происходит наполнение знаков новым содержанием и смыслом, их обобщение и гармонизация, и они превращаются во вторичные образы, которые рождают явления культуры и искусства.

Самым ранним из них и самым популярным во все века и у всех народов было искусство танца, которое является сложной знаковой системой, а сам танец – своего рода текстом, который танцоры передавали друг другу, зрителям и очень часто богам. Танец включался в различные церемонии и обряды, служил подготовкой к каким-то событиям (например, к охоте или жертвоприношениям), а порой завершал их. И сейчас у многих народов танец сохранил эту свою знаковую сущность. Таким образом, танец – это не просто вид искусства, в котором образы создаются с помощью движений и различных положений человеческого тела, он еще и

текст, состоящий из всевозможных знаков-жестов, знаков-движений и знаков-поз.

Люди танцуют столько лет, сколько помнят себя. Как именно возник танец, остается только предполагать. Может быть, он появился из движений и жестов, связанных с повседневной деятельностью, а возможно, его источник – какие-то эмоциональные жесты. Согласно многим легендам, танец подарили людям боги. В одном из античных мифов говорится, что танцы возникли в связи с рождением владыки богов и людей Зевса. В индуистской религии создателем и первым исполнителем танцев считается бог Шива, который создал из хаоса (всемирного беспорядка) Вселенную, исполняя свой танец.

Знаковым выражением совершенства человеческого тела является и физическая культура. Однако, к сожалению, с «прогрессом» цивилизации спорт все больше теряет основное качество красоты – бескорыстие и из средства гуманистического развития личности («в здоровом теле – здоровый дух») превращается в среду, культивирующую самые низменные человеческие качества – высокомерие, жажду наживы и т.д.

Вторая знаковая система этого типа связана с голосом и слухом, которые в жизнедеятельности человека выступают в неразрывном единстве. Голос и слух, данные человеку природой, – важнейшие средства человеческой жизнедеятельности и общения. На ранних ступенях своего развития именно с их помощью человек устанавливал связи с соплеменниками, имел возможность получать сигналы о приближении врагов, о наличии зверья на охоте, избегать множества опасностей для своей жизни. На основе освоения звуковой палитры природы, ритмов собственного тела человек создает одно из древнейших искусств – музыку, которая вместе с танцем становится знаковой системой, выражающей радости и горести человеческой жизни, сопровождающей людей в труде и бою, в будни и праздники. Голос и слух стали также главными средствами

виртуального общения человека с богами, а в монорелигиях – с Творцом. Долгое время это общение опиралось лишь на живой человеческий голос, ведь храмовая служба велась (в православии ведется и поныне) в вокале, для капеллы – в хоровых жанрах и т.д.

Храмовые службы в свою очередь стали основой формирования музыкальной классики (Гендель, Бах и т.д.). Со временем голос, пение получили инструментальное сопровождение, возникли способы записи звуков на бумаге, а затем различными техническими средствами. Все это необычайно расширило коммуникативные возможности музыки, вплоть до современных глобальных масштабов.

К сожалению, в наше время предметность материальных средств музыкальной знаковой системы одерживает «блистательную» победу над духовностью, человеческими смыслами и ценностями.

Третья телесно-знаковая система связана со зрением. Ее проблемы чрезвычайно сложны и в семантическом плане недостаточно освещены в литературе. Но совершенно очевидно, что глаза – «зеркало души» – могут выражать богатейшую гамму чувств, страстей, переживаний, выдавать бездну информации о внутреннем мире человека. Надо лишь уметь правильно понять, о чем говорят эти знаки, и использовать их в общении и поведении.

Глаза открывают «врата» для информации об окружающей действительности: считается, что до 85 процентов информации человек получает именно через зрение. Глаза особым образом связаны с мозгом, сознанием, духовной жизнью человека, что определяет характер тех образов, которые формируются на основе зрительных перцепций и их информационно-знаковой значительности. Тем не менее в психологии, эстетике и искусствоведении достаточно широко распространено заблуждение, что зрительное восприятие – копия действительности. Отсюда теория и практика так называемого реализма, а на самом деле –

скорее натурализма и эмпиризма, которые господствовали в нашем изобразительном искусстве долгое время. Но, как свидетельствует современная наука и художественная практика, «то, что мы воспринимаем, – не сама действительность физического мира, а только его модель (подчеркнуто мною. – Б.С.), построенная на основе сравнительно немногих чувственных сигналов» (Г.Баумгартнер). На более высоком уровне и на основе психологических, эмоциональных, интеллектуальных особенностей субъекта, его идей, ценностей, культуры формируется внутреннее образное пространство духовного мира личности, которое выражается в визуальной (иконической) лексике. Что касается искусства, то «внутреннее пространство художественного текста сильнее внешнего пространства... Создание «великих» текстов – право на ту внутреннюю свободу, которая создает и новое пространство и новое время, то есть новую форму бытия, понимаемую как преодоление, и смерти как образ вечной жизни и бессмертия» (В.Н.Торопов).

Но это внутреннее пространство, в отличие от других искусств, связанных с телесностью (музыкой, хореографией и т.д.), может стать внешним реальным лишь через искусственные, созданные руками человека, материальные знаковые средства и образы. Отношения между внутренним и внешним, содержанием, смыслом и формами его воплощения становятся чрезвычайно сложными. Внутренние образы, образы творческой фантазии, идейные позиции и культура авторов, духовная атмосфера жизни не просто «упаковываются» во внешние формы – они во многом определяют стили, направления, исторические типы творчества. Наиболее полно и ярко об этом свидетельствуют, с одной стороны, принципы христианской иконописи, которые (по крайней мере, в православии) существуют без малого полторы тысячи лет и не потеряли своего значения до сих пор, а с другой – та художественная система, которая берет свое начало в эпоху Возрождения и господствует в

«светском» изобразительном искусстве вплоть до наших дней. С точки зрения изобразительных приемов их различия в основном сводятся к обратной перспективе в иконописи и прямой в светском искусстве. Эту разницу с научной точки зрения глубоко проанализировал замечательный ученый Б.В. Раушенбах. На основе изучения священного писания, работ православных богословов и религиозных философов, великих творений православной живописи автор приходит к выводу, что сам характер используемых живописных средств в решающей степени определяется заключенными в них внешними смыслами. Обратная перспектива берет свое начало в субъекте созерцателя иконы, в его зрении и душе. Проходя через ее рамки, она расширяется до бесконечности, тем самым выражая великую философскую и богословскую идею о бесконечности Духа, тварного мира, а значит, и человека.

Сами образы, изображенные в этой перспективе, как бы устремляются к человеку, благословляя его и откликаясь на его молитвы и просьбы. Для семиотики иконописи чрезвычайно важно, что все ее образы, все события священной истории и Священного предания живой жизни церкви представлены не в телесных, физических, а знаково-символических формах, несущих духовные, вневременные, вечные смыслы бытия.

Творцы изобразительного искусства Возрождения, а затем и последующих времен, исходя из сциентистско-материалистической парадигмы мышления, создают свои произведения на иных принципах. Прямая перспектива, основанная на физических свойствах дальнорезия глаза (уменьшающиеся размеры предметов по мере их удаления от субъекта), вырабатывает свою философию конечности пространства и времени. На ее основе образы создаются как реальные живые личности: нередко они пишутся с натуры, в них подчеркивается внешняя, телесная красота и выразительность.

Процесс подмены внутреннего внешним, содержания средством с развитием цивилизации все более усиливается, и на передний план выдвигается то, что И.А. Ильин назвал «пошлостью в искусстве и жизни». Он писал: «Для пустоты и скудности духовной немощи русский язык вырабатывает понятие пошлости. Такого понятия нет ни в одном европейском языке. Пошлым становится все, что выходит из Божиего луча, утрачивает свой священный смысл и становится ничтожным». Эта тенденция принимает все большие масштабы – от копирования нескольких рисунков на различных материалах до волшебных фонарей, фото, кино, видео и телевидения и, наконец, мультимедиа, которое создает виртуальное изобразительное пространство без живых людей.

Универсальным типом знаковой системы культуры является слово, язык, речь. «Язык (слово) – посредник между разными знаковыми системами: как знак он не отличается от других знаковых систем, но роль посредника принадлежит только ему» (Ю.В.Рожественский).

Выдающийся немецкий философ и лингвист, внесший исключительный вклад в философию языка, В. Гумбольдт утверждал, что язык «заложен в самой природе человека и необходим для развития его духовных сил ... Язык и духовные силы развиваются не отдельно друг от друга и не последовательно один за другим, а составляют нераздельную деятельность интеллектуальных способностей» (В.Гумбольдт).

Уже несколько столетий ученые ведут спор (который вряд ли когда-нибудь завершится) о том, что было раньше «мысль или слово» (яйцо или курица). Одно несомненно: язык (слово) неразрывно связан с духовной творческой деятельностью. Недаром народы верили в божественное происхождение языка еще за тысячи лет до христианской эры. Бог воспринимался многими народами как духовное существо, которое замыслило мир до того, как его сотворить, и которое использовало слово в качестве средства творения – орудия превращения хаоса в упорядоченный

космос. «В перечне всех великих религий, – писал Кассиер, – слово появляется в единстве с Высшим творцом или как его инструмент, или как главный источник, из которого он, подобно всякому бытию, извлекается».

Слово можно считать символом информации, которая предшествует всем материальным процессам в мире. Однако подлинное свое значение и смысл оно приобретает в языке человечества. Восхищение словом, его местом в жизни, духовном мире и культуре человека мы находим у многих великих мудрецов и поэтов. Образ языка, найденный немецким философом М.Хайдеггером, привлекает своей мудростью, человеческой теплотой и богатством следствий: «Язык есть дом бытия». Эти слова не раз были повторены автором – почти как поэтический рефрен: «Язык – дом истины Бытия», «В жилище языка обитает человек», «Язык есть вместе дом бытия и жилище человеческого существа. Хайдеггер называет язык самым интимным «лоном культуры», а истинным познанием считает «вслушивание в язык».

Современная лингвистика рассматривает естественный (вербальный) язык как сложную знаковую систему. Впервые природу языкового знака раскрыл швейцарский лингвист Фердинанд де Соссюр. Знаковый языковой процесс представляет собой тройную ипостась. Первая – знаковые средства, условно-предметные единицы (буквы, слоги, предложения, морфемы и т.д.) и правила, закономерности их функционирования. Их структуру изучает лингвистика и ее многочисленные разделы и подразделы (грамматика, синтактика, морфология, фонетика и др.). Вторая – значения, смыслы, идеи, которые заключают в себе языковые единицы, средства выражения. Их изучает семантика. Именно здесь заключено то, в чем воплощается содержание культуры. Чрезвычайно показательным, что до 90-х годов прошлого века классическая лингвистика вообще не включала семантику в свой состав и до сих пор относится к ней настороженно. Об этом говорит в своем

фундаментальном исследовании «Речь. Коммуникация. Информация. Кибернетика.» Р.К. Потапова. Она высказывает очень важную мысль, что «... филология и грамматика целиком относятся к компетенции лингвистики, семантика же может, очевидно, интересоваться в равной степени философию, логику, психологию, антропологию». К этому перечню мы с полным основанием можем причислить и культурологию. Более того, именно здесь таится подлинная суть феномена культуры, как духовно-знаковой деятельности, содержание, смыслы, ценности которой находят свое выражение, объективное существование в языке. Культура, как отмечалось ранее, может быть только ценностной, то есть представляет собой не природное, а духовное, подлинно человеческое в человеке. «Культура держится на семантических ценностях» (С.Лем).

Именно необычайная гибкость языка, способность заключать в себе бесконечное множество смыслов, семантических значений определяют творческий характер культуры, полет фантазии, воображения ее создателей, обеспечивает формирование новой реальности бытия, языковой картины мира.

Как утверждают такие выдающиеся философы и деятели культуры, как П. Флоренский, А. Лосев, А. Белый, А. Потебня, Ф. Соссюр и др., каждый предмет в освоенной природе, каждое историческое явление получают через язык свое «имя», через которое они включаются в мир культуры. Так что весь мир, говоря словами героя Шекспира, «слова, слова, слова». Вся культура – мир слов, и не мы владеем словом, а слово владеет нами.

Язык удивительная вещь. Это единственная объективизированная форма субъективности, в которой содержатся исторические семантические напластования, доступные эмпирическому наблюдению. Языковые системы – это интенциональные референты, которые «излучают смыслы, получающие семантические формы» (Ю.М.Федоров). Вне этого

совершенно невозможно общение людей. «Все объекты, к которым отсылает язык, объекты, которые «имеются в виду» являются двумя коммуницирующими (подчеркнуто мною. – Б.С.) друг с другом субъектами, образуют структурированное целое, мир «смысла»; эту необъятность смыслов уместно назвать «логосом» (В.Франкл).

Но передача смыслов в процессе общения, коммуникации обеспечивается третьей ипостасью слова – языкового семиозиса. В лингвистике этот процесс принято обозначать как прагматическую функцию языка. Огромное богатство значений понятия «слова» как средства общения содержится в словаре В.Даля: «Слово» – «исключительная способность человека выразить гласно мысли и чувства свои, дар говорить, сообщаться разумно сочетаемыми звуками». Словесная речь – это разговор, беседа, проповедь, сказание, обет, обещание, скрепление истины, ручательство. Вместе с тем это и «заговор», заклинание («Слово и дело»). Этимология «слова» связывается с корнями русского этноса «славяне». Исторически сложились, развиваются и функционируют до сих пор три великие формы, выполняющие роль средств: объективизация содержания, его трансляция и обеспечение межличностного общения и социальной коммуникации в обществе. Это – устная речь, основанная на естественном языке, письменное (рукописное и печатное) слово и слово – искусственный язык, создаваемый кибернетическими устройствами. Все эти формы так или иначе создают культурные архетипы, более того, во многом представляют типы культур того или иного общества.

Прежде всего обратим внимание на то, что в современных словарях «слово» рассматривается как «единица речи», представляющая собой сочетание звука или звукового ряда с определенным значением». Во многих работах по лингвистике на первое место в определении «слова» ставится именно общение. Ю.С.Степанов отмечает, что в индоевропейской

традиции понятие «слово» означает такие смыслы, как *славить*, *слушать*, *слышать*, и делает вывод: «Имеется некая самостоятельная, независимая от говорящего и слушающего сущность, которая становится предметом передачи от одного к другому, то есть предметом кругооборота общения. Это и есть слово». Вместе с тем, говоря, что язык является «формой всякой культуры», автор подчеркивает, что концептами, близкими к слову, являются понятия *знание*, *вера*, а также *действие*, *деятельность*.

Речевое общение при всей его кажущейся простоте («Я говорю – Вы слушаете») представляет собой достаточно сложную структуру, анализ который позволяет уяснить не только его место в общей системе языка, но и его роль в формировании культуры личности и общества.

В работах по лингвистике речь рассматривается в соотношении с языком вообще. Первое, что отмечается при этом – индивидуальный характер речи: «...речь есть индивидуальный акт воли и понимания, в котором надо различать комбинации, при помощи которых говорящий субъект пользуется языковым кодексом с целью выражения своей личной мысли (подчеркнуто мною. – Б.С.). Это явление «всегда индивидуально, и в нем всецело распоряжается индивид; мы будем называть его Речью», – писал Ф. Соссюр. Положения этого выдающегося лингвиста, одного из основателей семиотической теории языка, полностью вписываются в субъекто-центристскую концепцию культуры. Каждый говорящий человек здесь становится автором высказывания, субъектом речи, творческого акта, который либо вписывается в процесс повседневной культуры, либо используется в публичной деятельности (риторика, культура речи), либо при наличии определенных способностей воплощается в произведения искусства и даже в научные трактаты. Известно, что многие выдающиеся философские и научные концепции были рождены в лекционных науках (ярчайшие примеры – лекции Гегеля, В.О.Ключевского и др.).

С этим связана и другая черта речевой коммуникации – обеспечение субъектно-субъектного общения, в процессе которого происходит их становление и развитие как личностей. «Отдельный человек как нечто обособленное, – писал Л. Фейербах, – не заключает человеческой сущности в себе ни как в существе моральном, ни как в мыслящем. Человеческая сущность на лицо только в общении, в единстве человека с человеком, в единстве, опирающемся на реальность различия между «Я» и «Ты».

Общение – это такой процесс, в рамках которого осуществляются взаимопереходы субъективности «Я» и «Ты» и наоборот, в результате чего субъективность каждого из них обретает личностный характер. В речевой коммуникации его агенты выступают именно как личности во всей их целостности, индивидуальности, неповторимости. В этом субъектно-субъектном общении используется не только слово, но и голос со всеми его модуляциями, выражение глаз, мимика, вся система паралингвистических средств. С расширением сферы общения между целостными антропными субъектами начинается вся история культуры в ее истинном, гуманистическом измерении. Именно здесь человек осознает в другом человеке его подлинную ценность, без чего невозможна истинная культура. К сожалению, мы мало ценим этот мир повседневной речевой культуры, что накладывает свой отпечаток на поведение человека во всех сферах жизни.

Специфической чертой речевой коммуникации является диалог. Проблемы диалога в широком плане в последнее время вызывают большой интерес и становятся предметом исследований психологов, социологов, лингвистов, культурологов. Исходя из концепции М.М. Бахтина, можно утверждать, что, с одной стороны, сам внутренний мир личности, ее мышление диалогично. Процесс общения, взаимодействия людей через слово есть именно диалог в собственном смысле этого слова. «Логические

и предметно-смысловые отношения, – пишет Бахтин, – чтобы стать диалогическими ... должны воплотиться...стать словом, то есть высказыванием, и получить автора, то есть творца данного высказывания, чью позицию он выражает».

Главным условием возникновения диалогических отношений является наличие коммуникативных интенций у их участников, интерес друг к другу. Форма «вопрос – ответ» обеспечивает им равные возможности высказаться и быть выслушанным. Само слово «собеседник» указывает на обоюдный вклад его участников. В силу присутствия двух (как минимум) партнеров по общению устная диалогическая речь имеет тенденцию к простоте, сокращенности, стихийному, импровизационному рисунку своего строя. Речь, состоящая из реплик, одна из которых, вызванная сиюминутными эмоциями, мгновенно вызывает к жизни другую. Если контакт собеседников строится на основе кооперативного взаимодействия, речевые отношения становятся симметричными, двусторонними. Если же один из них стремится доминировать над другим, то они искажаются, принимают авторитарную форму.

В построение модели речевой коммуникации включаются такие элементы, как мотивации и цели говорящих; содержание информации (фактум); коммуникативная интенция (то есть точно сформулированное решение о посылке определенного сообщения и отношения к нему общающихся (модальность); моторные программы и действия, формы и средства их осуществления; обратные связи и самоконтроль за действенностью коммуникативной ситуации.

Гармоническое сочетание этих требований к коммуникативному процессу важно для любой формы диалогического общения. Но особенно большое значение это приобретает в публичных речевых актах, в которых нередко не только содержание (и даже не главным образом содержание), а

именно модальность, убежденность оратора, его равнодушное отношение к высказываемым положениям, а также языковые, лингвистические и паралингвистические формы и средства играют решающую роль в успехе выступления. Недаром культуре языка и технике речи всегда уделялось огромное внимание в работах по языкознанию, лингвистике, социолингвистике, риторике и других научных дисциплинах.

Устное слово не только вечное – во все времена – средство человеческого общения, но и лоно художественной жизни общества. Оно – первый в истории носитель и транслятор величайших мифологических творений всех народов мира, их фольклора. При этом необходимо подчеркнуть, что мифология – это далеко не только древность, но и принадлежность современной духовной жизни общества, связанной прежде всего с устным словом.

Следующим сущностным средством медиакультуры, связанным со словом, является письменность. Письмо по праву причисляется к величайшим культурным ценностям человечества. Оно представляет собой воплощение смысла в начертанных на определенном материале (камне, коже, пергаменте, бумаге и др.) знаков. Существует два типа письма. Первый – звуковое, фонетическое (латинское, греческое, русское, индийское, арабское и др.), знаки которого (буквы, слоги) означают звуки устной речи, естественного языка. Такое письмо называется еще алфавитным. Второй тип – понятийное или словесное (китайское, японское и другие языки Восточной Азии), в котором смысл воплощен в условных понятиях, заключенных в иероглифах. Например, иероглифов, обозначающих такие понятия, как «человек», «дерево», «пить», в этих языках насчитывается тысячи.

С точки зрения информационной письмо обладает уникальной возможностью «консервировать» человеческую речь. Без какого-то видимого увеличения физиологической базы человека, его мозга

представилась возможность безграничного накопления банка данных, что, в свою очередь, расширяло креативный ресурс человечества и позволило в этом отношении достичь поразительных результатов.

Вместе с тем изменяется роль человека в самом процессе трансляции информации. Он как бы выносятся за скобки этого процесса. Одним из основных его характеристик становится опосредованность коммуникаторов, пространственно-временная разделенность отправителя сообщения и адресата, ставшая возможной благодаря переводу с акустической формы сигнала (звуковой речи) в фиксированный визуальный (графический) вид. Именно возможность опосредованной коммуникации приводит к невиданному умножению культурного потенциала народа, его обогащению культурными ценностями других народов. Письмо становится овеществленной памятью общества. Каждый его член не обязательно должен (да практически и не может) знать всю культуру общества но он должен знать письменный язык как ключ к культуре. Письменность в культурной деятельности осуществляется в трех основных сферах: бытовой (повседневной), официальной (государственно-управленческой, «казенной») и художественно-эстетической.

Для распространения и хранения предметов, содержащих письменные тексты, созданы специальные институты – почта, архивы (личные и государственные) библиотеки (общие и специальные), канцелярии и другие учреждения, которые входят в систему культуры общества. Писание текстов – сложный процесс не только овладения содержанием соответствующих знаков, но и искусством их начертания (особенно в таких языках, как арабский, китайский и др.). Письменное, а затем печатное слово родило такое выдающееся явление культуры, как авторство – индивидуальное творчество, давшее лицо, именитство созданным произведениям. Появилась проблема индивидуальных стилей, языка, сущности и характера самого творческого процесса в науке,

искусстве, литературе, истоков гениальности, которая не решена до сих пор и вряд ли когда-нибудь будет решена вообще.

Изменился и сам процесс освоения ценностей культуры слова. По своей сути, письменные тексты, предназначены для индивидуального пользования, интимного контакта с содержанием, героями произведения, мыслями и чувствами его автора. Рукописный формат или книга отвечают ментальной сущности человека – стремлению идентифицировать себя как личность. Чтение предполагает не просто «проглатывание» информации, а ее понимание, усвоение. А это процесс коммуникационно-семантический, предполагающий освоение смысла, превращение его в принадлежность внутреннего духовного мира человека. В отличие от визуального сенсорного восприятия (картинки) чтение – принципиально интеллектуальный процесс духовной деятельности по расшифровке мозгом буквенного кода, когда работает не только зрение, но и воображение на основе знания этого кода. При этом творятся совершенно новые образы и смыслы, имеющие индивидуальный характер, нередко далеко не совпадающий с теми, что содержатся в тексте.

Но вся эта великолепная знаково-коммуникативная система, данная человеку, оказывается недостаточной для совместной деятельности людей, обеспечения процессов передачи и получения информации при постоянно расширяющихся рамках социального общения. В результате человечество создало сверхприродную систему технических средств – коммуникации, ставшие неотъемлемой составной частью культуры – культуры медиа.

Как пишет авторитетный в области мультимедиа исследователь Н.И.Дворко, сегодня сложилось как минимум три различных определений явления «мультимедиа»: а) как идеи, идеологии (подчеркнуто мною. – Б.С.) расширения и углубления процесса общения человека и компьютера; б) как новой совершенной информационно-компьютерной технологии; в) как продукта изображения, создания и объединения различных типов сфер

и текстов, множества сюжетов, линий и т.д. По словам автора, мультимедиа способствуют превращению нового средства коммуникации в сферу художественного творчества и могут позволить им занять достойное место в современной художественной культуре.

Адепты мультимедиа обращают внимание на такие их особенности, которые могут стать (и уже становятся) новым вкладом в понимание культуры вообще. Это прежде всего интерактивность и виртуальность. Интерактивность позволяет человеку не только наблюдать созданное компьютером произведение, искусственное пространство, но и самому принимать в них самое активное участие, влиять на его сюжетные линии и перипетии в качестве включенного в него персонажа.

Что касается виртуальности – этого, пожалуй, самого сегодня популярного явления, – то оно уже исследуется многими науками – от психологии и философии до информационно-компьютерных технологий и культурологии. Сформировалась даже специальная наука – виртуалистика, которая определила несколько направлений исследования, в том числе – информационное. В нем утверждаются различные виртуальные среды и пространства. Выработано понятие «компьютерная виртуальная реальность как новая форма культуры» (подчеркнуто мною. – Б.С.).

Таким образом, за свою многовековую историю человечество выработало многочисленные знаковые и коммуникативные системы и средства, которые являлись органической составной частью культурно-творческих процессов и во многом определяли сами типы культуры того или иного общества. Особую роль они стали играть в эпохи модерна и постмодерна, утверждения и становления обществ и культур, получающих наименование информационных, электронно-цифровых, виртуальных и т.д. и т.п.

В массовой культуре наиболее полно воплощена коммуникационная сторона культуры. Ее можно понимать как широту охвата населения,

распространенность в массах тех или иных явлений культуры. В такой трактовке она существовала всегда. Типичной в этом отношении является религиозная культура, которая охватывает целые регионы, континенты, всю планету («мировые религии»).

Широта распространения культуры зависит не только от ее характера, но и от развитости СМК. Как уже отмечалось, мы живем в эпоху формирования информационно-компьютерной цивилизации, когда идет процесс «медиатизации» общества – сплошного охвата населения коммуникативными средствами, которые приходят в каждый дом, к каждому индивиду. В этих условиях массовость культуры принимает действительно глобальный характер.

В подавляющем большинстве произведений популярных изданий, в работах критиков и эстетиков масскульт оценивается пренебрежительно-отрицательно. Однако массовая культура – объективная реальность, и никакие пуританские филиппики в адрес современных печати, кино, радио, телевидения не могут вернуть нас к прошлым «классическим» временам существования «чистого» искусства, к якобы не замутненным техническими средствами литературе, поэзии, музыке. Массовая культура – важная сторона информационного общества, его демократизации, когда достижения человеческого разума становятся доступными населению всей Земли.

Вместе с тем массовая культура обладает и отрицательными для формирования личности, ее духовной идентичности качествами, которые опасно не замечать и не учитывать в деятельности учреждений и институтов, призванных заботиться о нравственном и интеллектуальном здоровье общества. Среди них – тенденция к так называемой «гомогенизации» культуры, росту ее однообразия на базе не высших, а низших образцов, что ведет к «информационной энтропии» и, в конечном счете, к застою в духовной жизни общества. В русле этой тенденции

происходит «тривиализация» классических произведений, превращение их в развлекательные, бездумные шоу, а значит, к формированию потребительской психологии, отсутствию интеллектуального напряжения, духовного труда при восприятии таких произведений. Этим особенно отличается продукция китча, признаками которого являются претенциозность («рецепт счастья»), подделка дешевого под дорогое, стремление к престижности любой ценой, а главное – дурной вкус.

Процессы, связанные с массовой культурой, требуют пристального внимания общественности к развитию элитарного творчества, поддержки подлинных талантов, их популяризации. Институты массовой культуры (печать, телевидение, радио и т.д.) должны входить в общую систему своего рода «регулирования» духовного производства в обществе. К сожалению, у нас эти институты оторваны от учреждений, занимающихся традиционными видами культуры и искусства. Задача культурной политики государства – гармонизировать все сферы культуры (народной, религиозной, светской), традиционные ее виды со средствами массовой коммуникации, каковыми являются телевидение, радио, видео, компьютерная техника и т.д., направляя все усилия на создание условий для свободного развития и духовного возвышения каждой личности.

Решению этих задач и должны быть посвящены теоретические разработки и концепции, выдвигаемые науками, имеющими дело как с проблемами общей теории культуры, так и современных СМК.

На первый план в этом процессе в последнее время выдвигается комплексное научное исследование медиакультуры.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Из рассмотренного нами материала следует, что культурология представляет собой теоретическую (не практическую как культуроведение) дисциплину, изучающую культуру как целостную систему – ее историю, закономерности, принципы развития и совершенствования. Она является важнейшей частью философского гуманитарного знания. Современная культурология выработала аналог понятия «культура» – это «медиакультура», содержание которой наиболее полно отражает в своей структуре основные элементы процесса культурно–творческой деятельности.

Та или иная дефиниция медиакультуры в последнее время широко употребляется в популярной литературе. Глубокий анализ этого концепта дан в работе Н. Кирилловой «Медиакультура. От модерна к постмодерну» (М., 2005). Высоко оценивая этот труд, мы тем не менее выражаем несогласие с основной посылкой автора, которая рассматривает медиакультуру как явление, присущее лишь современной эпохе, предметом которого становятся творческие процессы, связанные лишь со средствами массовой коммуникации.

Согласно развиваемой нами концепции, понятие «медиакультура» определяет менталитет культуры вообще, ее исторические корни и основные этапы развития. Как уже упоминалось ранее, немедийной культуры, то есть не содержащей в своей структуре коммуникационной составляющей, не существует вообще, и используемый ныне термин «медиакультура» лишь повод для более глубокого понимания культуры как процесса духовно-знаково-коммуникационной деятельности на протяжении всей истории развития человеческой цивилизации. Как всякая деятельность, культура включает в себя ряд этапов и закономерностей. Прежде всего ее субъектом является живая человеческая личность, ставящая перед собой, сознательно или бессознательно, достижение

определенных целей – гуманизации, возвышения, совершенствования антропных качеств всех представителей рода Человек. Культура в этом смысле – подлинно человеческая деятельность.

Далее, ее содержанием становятся духовные ценности, идеи, смыслы, нормы жизни людей, которые должны быть воплощены в результате осуществления поставленных целей. Это духовное, идеальное по своей сути содержание, чтобы быть воспринятым другими людьми, должно быть объективизировано в материально-образные, акустическо-звуковые, телесно-кинестические и, главное – в словесно-вербальные, языковые знаковые системы.

Наконец, эти формы одновременно становятся средствами передачи содержания. Но бытие в культуре является со-бытием человека с другими людьми как суверенными и цельными субъектами. Таким образом, знаки, кроме формообразующей, выполняют и коммуникационную функцию. С развитием человеческого общения культурная информация распространяется не только среди близких, но и дальних членов общества. Этой цели, кроме естественных, служат и искусственные, создаваемые самим человеком, средства коммуникации. Все большее количество людей начинает пользоваться кодами информационно-коммуникативной деятельности, которые позволяют им овладевать ценностями культуры. Так культура становится явлением социальным, средством моделирования отношений людей в различных сферах жизни, инструментом, техникой, коммуникационным обеспечением цивилизации.

Духовное содержание, знаковые и коммуникационные звенья играют далеко не одинаковую роль в культурно-творческой деятельности на различных этапах развития общества. Так как материально-знаковые и коммуникационные средства создания и распространения ценностей становятся все более мощными и изощренными, духовное содержание в культуре может угасать, и нужны громадные усилия для того, чтобы

остановить этот процесс. Вот что писал еще в годы Первой мировой войны, в начале системного кризиса российской культуры Д. Мережковский: «Есть путь в культуру из дикости, но нет из одичания. Культура неповторима. Сущность ее – непрерывность, неугасимость; огонь ее можно поддерживать, но угасив, – не зажжешь. Духа не угашайте – вот сейчас самые нужные из слов человеческих». Да, наверное, и сейчас это самые нужные и самые важные слова, и не только для России, но и для всего человечества.

ЛИТЕРАТУРА

- Абдеев П.Ф. Философия информационной цивилизации. М., 1994.
- Асмус В.Ф. Немецкая эстетика ХУШ в., М., 1962.
- Астафьева О.Н. Культура как ценность: соотношение изменчивости и устойчивости // Синергетика, философия, культура. М., 2001.
- Ашин Г.К. Доктрина «массового общества». М., 1971.
- Багиров Э.Г. Место телевидения в системе средств массовой информации и пропаганды. М. 1979.
- Бакулев Г.П. Основные концепции массовой коммуникации. М., 2002.
- Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1972.
- Бахтин М.М. Автор и Герой // К философским основам гуманитарных наук. Спб., 2000.
- Бердяев Н.А. Философия свободы, смысл творчества. М., 1989.
- Березин В.М. Массовая коммуникация. М., 2002.
- Богомолова Н.Н. Социальная психология печати, радио и телевидения. М., 1991.
- Борецкий Р.А. Телевидение на перепутье. М., 1998.
- Булгаков С.Н. Свет не вечерний. М., 1994.
- Бычков В.В. Эстетика поздней античности. М., 1981.
- Выготский Л.С. Мышление и речь, собр.соч в 6-ти т. М., 1982.
- Вышеславцев Б.П. Христианство и индуизм. М., 1992.
- Гегель. Эстетика в 5-ти томах. М., 1969-73.
- Глушков В.М., Урсул А.Д. Математизация научного знания// философские и мировоззренческие проблемы современной науки. М., 1981.

- Гостев А.А. Психология вторичного образа (субъект, феноменологии, функции). – Автореферат диссертации на соискание уч. степени доктора психологических наук. С.-П., 2001.
- Гумбольдт Ф. Изобразительные труды по языкознанию. М., 1984.
- Дридзе Т.М. Социальная коммуникация как текстовая деятельность в семиосоциопсихологии // общественные науки и современность. 1996.
- Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955.
- Даниэль С.М. Библейские сюжеты С.-П., 1994.
- Дворко Н.И. Профессия – режиссер мультимедиа. Спб., 2004.
- Дейниченко П. ХХ1 век – история не кончается. М. 2000.
- Дридзе Т.М. Семиоциопсихология // Социология. Медиа-дисциплинарные исследования. Словарь-справочник. М., 1991.
- Дугин Е.Я. Телерадиокоммуникация. М., 1991.
- Дьяченко Григорий. Протоирей. Духовный мир, М. 1900; Репринт М., 1992.
- Егоров В.К. Становление современной парадигмы культуры // Синергетика, философия, культура. М., 2001, с. 67 и др.
- Егоров В.К. Философский реализм М., 1994.
- Егоров В.В. Телевидение между прошлым и будущим. М., 1996.
- Егоров В.В. Большая культура и малый экран. Ч. 1 и 2. М., 1997.
- Егоров В.С. Философский реализм. М. 1994.
- Егоров В.С. Рационализм и синергетизм. М., 1997.
- Егоров В.С. Философия открытого мира. Воронеж. 2002.
- Ефимова Н.Н. Звук в эфире. М., 2005.
- Землянова Л.М. Современная американская коммуникативистика: теоретические концепции, проблемы, прогнозы. М., 1995.

- Зинченко В. Деятельность знания. Духовность// Высшее образование в России. 2003, № 5.
- Ильин И.А. О чувстве ответственности. М., 1994.
- Ильин В.В., Ахиезер А.С. Российская цивилизация: содержание, границы, возможности. М., 2000.
- Ильин И.А. Аксиомы религиозного опыта. М., 1998.
- Ильин И.А. Пути духовного обновления. О вере// Ильин И.А. Путь очевидности. Мюнхен, 1957, М. 1993.
- Иоанн Сан-Францисский (Шаховской) Избранное. Петразоводск, 1992.
- Иобчук И.Т. Закономерности становления и развития социалистического сознания и духовной жизни в СССР в первой фазе коммунизма // Строительство коммунизма и духовный мир человека. М., 1996.
- Кириллова Н.Б. Медиакultura. От модерна к постмодерну. М., 2005.
- Козлова О.Н. Синергетический анализ духовной жизни как «жизни культуры»// Синергетика. Философия, Культура. М., 2001.
- Козлова Н.Н. Социально-историческая антропология. М., 1998.
- Козлова Н.Н. Человек и его тело// Социально-историческая антропология. М., 1998.
- Конецкая В.П. Социология коммуникаций. М., 1997.
- Коротенков Ю.Г. Формализованная информациология. М., 2000.
- Красота и мозг. Биологические аспекты эстетики. М., 1995.
- Крейдлин Г.Е., Кронгауз М.А. Семиотика или азбука общения. М., 2004.
- Культура русской речи. М., 1998.

- Культурология XX в. Антология. М., 1994.
- Лев (Церпицкий). Епископ. Размышления о религии и культуре// М., 1993, № 12.
- Лем С. Модель культуры// Вопросы философии., 1969, № 8.
- Лотман Ю. Статьи по типологии культуры. Тарту, 1978.
- Лукин Ю.А. Культурология вчера, сегодня, завтра. М., 2000.
- Лурье С.В. Историческая этнология. М., 1998.
- «Материалист» (псевдоним). Кому служите кибернетика? // Вопросы философии. 1953, № 5.
- Мень А. История религии в поисках пути, истины и жизни. М., 1991.
- Мережковский Д. От войны к революции. С.-П., 1917.
- Мечковская Н.Б. Язык и религия. М., 1998.
- Михалкович В.И. Очерк теории телевидения. М., 1996.
- Михальская А.К. Основы риторики. М., 1996.
- Моль А. Социодинамика культуры. М., 1973.
- Мосс М. Техника тела// Мосс М., Общество, Обмен, Личность. Труды по социальной антропологии. М., 1996.
- Носов Н.А. Психология виртуальной реальности // Тезисы докладов на конференции Технология виртуальной реальности. М., 1995.
- Пестов Н.Е. Душа человеческая. М., 2003.
- Поздняков Н.К. Первоэффекты телевидения. Опыт герменевтического анализа. М., 1999.
- Поздняков Э.А. Философия культуры. М., 1999.
- Попов В.Д. Информациология и информационная политика. М., 2001.

- Потапова Р.К. Речь, коммуникация. Информация. Кибернетика. М., 2001.
- Потемня А.А. Слово и миф. М., 1989.
- Пригожин И., Стенгерс Г. Порядок из космоса. М., 1986.
- Разлогов К.Э. Искусство экрана: проблемы выразительности. М., 1982.
- Раушенбах Б.В. Пространственные построения в живописи. М., 1980.
- Раушенбах Б.В. Иконография как средство передачи философских представлений // Проблемы изучения культурного наследия. М., 1985.
- Раушенбах Б.В. Системы перспективы в изобразительном искусстве. Общая теория перспективы. М., 1986.
- Раушенбах Б.В. Пристрастие. М., 1997.
- Раушенбах Б.В. Геометрия картины и зрительское восприятие. М., 1997.
- Рикерт Поль. Герменевтика. Этика. Политика. М., 1995.
- Рождественский Ю.В. Теория риторики. М., 1996.
- Рождественский Ю.В. Введение в культуроведение. М., 1996.
- Ронсар Пьер. Природа всем оружие дала// Европейская поэма Возрождения. М, 1974.
- Самарцев О.Р. Актуальные проблемы телевизионной журналистики в условиях современного этапа информационно-компьютерной революции. Автореф. дис. на соиск. уч. степени доктора филолог. наук. М., 1999.
- Саппак В. Телевидение и мы. М. 1968.
- Сапунов Б.М. Телевидение в системе социалистической культуры// Телевидение вчера, сегодня, завтра. М., 1986.

- Сапунов Б.М. Телевидение и культура. М., 1999.
- Сапунов Б.М. Философские проблемы телерадиокommunikации. М., 1999.
- Сапунов Б.М. Культурология телевидения. Основы мировой и российской культуры. М., 2001.
- Скворцов Л.И. Основы культуры режиссуры. М., 1981.
- Слободчиков В. Новая глава в отечественную психологию// Введение к книге Б.В. Ничипорова. Введение в христианскую психологию. М., 1994.
- Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. М., 1933.
- Степанов Ю.С. Контакты: словарь русской культуры. М., 2001.
- Стрельников Р.В. Империя кривых зеркал. М., 1978.
- Терин В.П. Массовая коммуникация. Исследование опыта Запада. М., 2000.
- Трубников Н. О категориях «Цель», «Средство», «Результат». М., 1968.
- Уледов А.К. Духовная жизнь общества. М., 1980.
- Успенский А.В. Культура речи. М., 1976.
- Федоров Ю.М. Универсум морали. Тюмень., 1992.
- Федоров Ю.М. Социальная психология. Тюмень. 1997.
- Федоров Ю.М. Сумма антропологии. Часть 1 и II. Расширяющаяся Вселенная абсолюта. Новосибирск. 1996., с. 833. Часть III. Антропологическая историко-философская. Новосибирск. 2000.
- Федотова Л.Н. Социология массовой коммуникации. С.-П., 2003.
- Феофан Затворник. Святитель. Письма о духовной жизни. М., 1998.

- Фейербах Л. Основные положения философии будущего// Фейербах Л. Избр. Философ. Произв. В 2-х кн. М., 1955.
- Франк С.Л. Неспотижимое // Франк С.Л. Соч., М., 1990.
- Франк С.Л. Смысл жизни. М., 1992.
- Франкл В. Человек в поисках смысла. М., 1990.
- Фукс Э. Иллюстрированная история нравов. Эпоха ренессанса. М., 1993.
- Хайдеггер М. Время и бытие. Статьи и выступления. М., 1993.
- Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. М., 1993.
- Шелер М. Положение человека в космосе// Проблема человека в западной философии. М., 1988.
- Шпрангер Э. Два вида психологии// Хрестоматия по истории психологии. М., 1980.
- Юзвизин И.И. Информациология. М., 1996.
- Юровский А.Я. Поиски и решения. Очерки истории и теории советской телевизионной журналистики. М., 1975.
- Ярошевский М.Г. Кибернетика – «наука» мракобесия // Литературная газета. 1952, 5 апреля.

